

ВѢСНИКЪ САРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1-го и 15 числа.

ПОДПИСКА принимается въ редак-
ціи: Гостинская ул., д. бывшій Сере-
бrenиковой.

ЦѢНА годовому изданію съ
доставкою и пересылкою 6 руб.

1910 года.

№ 16.

15 августа

Содержаніе. Отдѣль оффиціальныи:—Отъ Комитета по сооруж.
храма въ память 300-л. царств. Дома Романовыхъ.--Призывъ къ пожертвова-
ніямъ на памятникъ патр. Гермогену и арх. Діонисію.—Журналъ 39 сѣзда,
№ 75.

Отдѣль неоффич.:—Эрн. Ренанъ и его книга „Жизнь Иисуса“,—
Хр. Соболева.—„Изъ дневника Семинариста“,—Н. Уставщѣва.—„Письмо въ
Редакцію“,—„Изъ дневника священника“,—свят. І. Парышева.—„Укрощеніе бури“,
—Стих. П. Патюкова.—„Одинъ вечеръ у „старшаго брата“ мѣстныхъ баптистовъ“,
—свят. Ин. Орфеева.—Обзоръ печати.

ОТДѢЛЬ ОФФИЦІАЛЬНЫИ.

Отъ состоящаго подъ АВГУСТЪИШИМЪ покровительствомъ
ЕГО ИМПЕРАТ. ВЫСОЧ. ВЕЛ. КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА
строительнаго комитета по сооруженію храма въ С.-Пе-
тербургѣ въ память 300-лѣтія царствованія Дома
Романовыхъ.

Три вѣка тому назадъ, послѣ длительной смуты, отдавшей
нашу Родину во власть чужеземцевъ и приведшей ее на край
погибели, выборные отъ всей земли, предводимые высимъ духо-

венствомъ, склонили юную отрасль Дома Рюриковичей возложить на себя тяжкое бремя Самодержавнаго Правленія Россійскимъ Государствомъ. На этотъ подвигъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ благословеніе Матери Своей, Великой инокини Марѣы, сохранившеюся черезъ предшествующіе пять вѣковъ чудотворною иконою Ѳеодоровской Божіей Матери. Иконою, подъ сѣнью коей принялъ схиму подъ именемъ Алексія и претавился безстрашный боець за Русскую землю Святый Страстотерпецъ Великій князь Александръ Ярославичъ, именуемый Невскимъ.

Благословенный этою святынею нашего сѣвера на Русское Царство, Домъ Романовыхъ, подвигами длиннаго ряда принадлежащихъ къ нему властителей въ единеніи съ вѣковою испытанною преданностью своихъ подданныхъ, побѣдоносно провелъ сроднившуюся съ нимъ Россію черезъ цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, возвеличилъ небольшое подвластное ему царство, стѣсненное сильнѣйшими сосѣдами, въ могущественную Имперію, раздвинувъ ея предѣлы на пространство шестой части міроваго материка. За три послѣднихъ столѣтія исторія Россіи есть исторія Дома Романовыхъ.

Восемь вѣковъ Русской Исторіи протекли въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Царствующими Домами Рюриковичей и Романовыхъ передъ лицомъ Ѳеодоровской Божіей Матери; десятки поколѣній уроженцевъ земель Нижегородской и Костромской, въ средѣ коихъ она дважды чудесно являлась, преклоняли передъ ней колѣна, взывая къ предстательству за нихъ Божественной Милосердной Заступницы. Почитая сей образъ, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III-й выразилъ Свою волю о возведеніи въ честь Ея Храма въ Императорской резиденціи.

Въ сознаніи, что нѣтъ связи крѣпче духовной, Комитетъ, состоящій подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, поставилъ себѣ цѣлью завершить къ предстоящей радостной для всей Россіи трехсотлѣтней годовщинѣ завѣтъ почившаго Монарха

призываетъ себѣ на помощь въ этомъ святомъ дѣлѣ всѣхъ радѣтелей Русской Государственности.

Первое по времени пожертвованіе въ сто рублей на сіе благое предпріятіе было сдѣлано, на одрѣ болѣзни, нашимъ почившимъ великимъ молитвенникомъ протоіереемъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, а нынѣ Высочайше пожаловано Его Величествомъ строительному комитету 25.000 руб.

Да присоединится же сей новый Храмъ Божій къ прочимъ узамъ, связующимъ созданіе Великаго Петра и колыбель Дома Романовыхъ.

Предсѣдатель Строительнаго Комитета Свиты Его Величества
генераль-маіоръ *Дашковъ*.

Пожертвованія на построеніе вышесказаннаго Храма принимаются:

1. Въ управленіи дѣлами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича, Спб., Галерная, 38.
2. Въ Строительномъ комитетѣ, Спб., Полтавская улица, д. 5.
3. Въ конторѣ редакціи „Новаго Времени“, Спб., Невскій. 40.
4. Въ конторѣ редакціи „Сельскаго Вѣстника“, Спб., Мойка, 32.
5. Въ конторѣ газеты „Россія“, Спб., Невскій, 112.
6. Въ редакціи газеты „Колоколъ“, Спб., Невскій пр., д. 153.
7. Въ редакціи журнала „Отдыхъ Христіанина“, Спб., Обводный каналъ, 116.

Въ Волжско-Камскій Банкъ или въ любое отдѣленіе Банка на текущій счетъ Строительнаго Комитета, подъ № 10,190.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Призывъ къ пожертвованіямъ на памятникъ патри- арху Гермогену и архимандриту Діонисію.

25 октября 1912 года исполнится ровно 300 лѣтъ съ то-
го дня, когда польскій гарнизонъ, занимавшій Москву слишкомъ
два года, сдался осаждавшему его русскому ополченію. Столи-
ца была освобождена отъ непріятели послѣ долгой, кровопролит-
ной и дорого стоившей борьбы; тогда получилась возможность воз-
становить въ странѣ государственный порядокъ и приступить къ
избранію истиннаго русскаго Царя. На насъ, какъ на потомкахъ
геройскаго поколѣнія освободителей, лежитъ священный долгъ съ
подобающимъ благоговѣніемъ отнестись къ ихъ подвигамъ и озна-
меновать этотъ незабвенный историческій день достойнымъ его па-
мятникомъ.

Около столѣтія тому назадъ (въ 1818 г.) при императо-
рѣ Александрѣ I въ Москвѣ, на Красной площади, былъ воздвиг-
нутъ внушительный по замыслу и по своимъ размѣрамъ мону-
ментъ двумъ главнымъ вождямъ освободительнаго ополченія, кня-
зю Димитрію Михайловичу Пожарскому и нижегородскому гра-
жданину Козьмѣ Минину. Этимъ монументомъ исполнена была толь-
ко половина задачи. Тутъ въ лицѣ князя Пожарскаго воздана
честь военному сословію, а въ лицѣ Минина—земскому.
Но былъ еще третій и едва ли не самый главный двигатель осво-
божденія—это Православная Церковь, православное духовенство.
Самое освободительное движеніе поднялось и совершилось подъ зна-
менемъ православія, которое сплотило и вдохновило русскихъ лю-
дей въ тотъ моментъ, когда на Руси не существовало единой вер-

ховной власти, когда государство Русское готово было распасться на составныя части и сдѣлаться добычею иновѣрныхъ, алчныхъ со-сѣдей.

Въ эту критическую пору среди православнаго духовенства нашлось не мало добрыхъ пастырей, горячо призывавшихъ свою паству постоять за вѣру и отечество и презиравшихъ личную опасность, которая грозила имъ какъ отъ непріятелей-иноземцевъ, такъ и отъ многочисленныхъ русскихъ воровъ или измѣнниковъ. Во главѣ такихъ неустрашимыхъ пастырей явились два великихъ вдохновенныхъ подвижника: престарѣлый Гермогенъ, патріархъ Московскій, и Діонисій, новоназначенный архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры, которая незадолго передъ тѣмъ выдержала знаменитую осаду.

Когда обнаружались замыслы польскаго короля Сигизмунда, ревностнаго католика, воспользоваться выборомъ на Московскій престолъ его сына Владислава, чтобы самому водвориться въ Москвѣ (благодаря тому, что бояре неосторожно позволили полякамъ занять ее своимъ гарнизономъ), тогда Гермогенъ, немедля, началъ разсылать по областямъ грамоты, призывая народъ для защиты православной вѣры отъ латинскаго короля и для изгнанія враговъ. Тщетно поляки и русскіе измѣнники окружили его стражей и старались прекратить всякія сношенія его съ народомъ; грамоты достигали своего назначенія и производили глубокое впечатлѣніе. Подъ ихъ вліяніемъ собралось и двинулось къ Москвѣ первое ополченіе, во главѣ котораго сталъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Несмотря на удачное начало, это первое ополченіе не достигло цѣли; Ляпуновъ палъ жертвою коварства внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Теперь, когда бѣдствія Россіи достигли высшей степени и она оказалась на краю гибели, а святѣйшій патріархъ былъ подвергнутъ тѣсному заключенію въ Чудовомъ монастырѣ, продолжателемъ его подвига явился его ставленникъ на архимандрію Троицкой Лавры скромный, дѣятельный и талантливый Діонисій. Онъ сочинялъ краснорѣчивыя посла-

нія, а сидѣвшіе въ его кельѣ борзописцы списывали ихъ въ значительномъ количествѣ, и онѣ разсылались по городамъ.

Эти троицкія грамоты особенно могучій отзвукъ нашли въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ земскій староста Козьма Мининъ своими пламенными патріотичными рѣчами съумѣлъ чрезвычайно одушевить своихъ согражданъ и подвигнуть ихъ на великія жертвы. Здѣсь собралось второе ополченіе, которое нашло себѣ достойнаго вождя въ лицѣ князя Пожарскаго. Польскіе предводители потребовали отъ Гермогена, чтобы онъ написалъ въ Нижній-Новгородъ увѣщаніе отмѣнить походъ. Патріархъ отвѣчалъ благословіемъ русской рати и проклятіемъ измѣнникамъ. Враги стали морить его голодомъ. Великій старецъ, называемый современниками крѣпкій „адамантъ“, 17 февраля 1612 года, по словамъ лѣтописца, „предалъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи“.

Троицкая Лавра не ограничилась однѣми призывными грамотами; она все время принимала дѣятельное участіе въ походѣ второго ополченія. При немъ находился ея келарь, знаменитый Авраамій Палицынъ, который явился усерднымъ помощникомъ Діонисія. Онъ съумѣлъ зажечь патріотическое рвеніе даже среди буйныхъ казаковъ, которые еще со времени перваго ополченія стояли таборами подъ Москвою.

Императорское Московское Археологическое Общество взяло на себя починъ въ дѣлѣ чествованія названныхъ церковныхъ подвижниковъ по поводу истекшаго трехсотлѣтія и вошло со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о возведеніи симъ подвижникамъ величественнаго памятника на той же Красной площади, противъ монумента Минину и Пожарскому. На этомъ памятникѣ предполагается воздвигнуть двѣ фигуры во весь ростъ, — патріарха Гермогена и архимандрита Діонисія; а заслуги Авраамія Палицына могутъ быть увѣковѣчены на барельефахъ, изображающихъ важнѣйшіе моменты событій. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Всемиловитѣйше соизволилъ на сіе ходатайство и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ открыть по всей Имперіи сборъ

пожертвованій на памятникъ. Археологическое Общество крѣпко надѣется, что его обращеніе къ русскимъ людямъ не останется безъ соотвѣтственнаго отзвука и что на его настоящую призывную грамоту откликнется все православное и патріотически настроенное населеніе Россіи.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Секретарь *В. Трутовскій.*

Ж У Р Н А Л Ы

XXXIX общеeparхіального сѣзда духовенства Енисейской епархіи
въ г. Красноярскѣ 1909-10 г.

Журналъ № 75.

15-го декабря.

Сѣздъ слушалъ: журнальное опредѣленіе Правленія училища отъ 25 августа т. г., за № 25-мъ, въ которомъ Правленіе находитъ, что существующій при училищѣ 1-й классъ, располагая только нормальнымъ числомъ ученическихъ вакансій, не можетъ обслуживать всѣхъ потребностей не только свѣтскихъ родителей, желающихъ помѣстить своихъ дѣтей въ 1-мъ классѣ Духовнаго Училища, но принуждено было въ текущемъ году отказать въ приѣмъ даже дѣтямъ родителей духовнаго званія, хотя и выдержавшимъ удовлетворительно испытаніе; въ виду эгого Правленіе, озабочиваясь вопросомъ объ удовлетвореніи всѣхъ желающихъ учить своихъ дѣтей въ духовномъ училищѣ обращается къ XXXIX сѣзду

духовенства съ просьбою подвергнуть обсужденію вопросъ объ открытіи въ училищѣ параллельнаго 1-го класса.

Постановили: вопросъ объ открытіи 1 параллельнаго класса, какъ тѣсно связанный съ вопросомъ о закрытіи приготовительнаго класса, передать на благочинническіе сѣзды, которыя послѣ надлежащаго обсужденія этого вопроса должны представить свои заключенія будущему XL очередному Епархіальному сѣзду.

Резолюція № 2272., 1910 года, іюня 16 дня: Утверждается. Правленіе Духовнаго училища предложить отъ моего имени Дух. Консistorіи, чтобы она, согласно постановленія Епархіальнаго Сѣзда, немедленно предписала Благочиннымъ Епархіи собрать Благочинническіе сѣзды для обсужденія вопроса объ открытіи перваго параллельнаго класса, какъ тѣсно связаннаго съ вопросомъ о закрытіи приготовительнаго класса, и состоявшіяся на оныхъ сѣздахъ по сему предмету постановленія и заключенія должны быть представлены будущему Епархіальному Сѣзду, имѣющему быть 17 августа мѣсяца 1910 года. Еп. Евѳимій.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Эрнестъ Ренанъ и его книга „Жизнь Іисуса“.

*Характеристика Ренана и его книги „Жизнь Іисуса“.
Внутреннія и внѣшнія причины популярности Ренана
и его книги.*

Глава III.

Гораздо ранѣе того времени, когда вышла въ печати первымъ изданіемъ „Жизнь Іисуса“, выдержавшая еще при жизни самого автора восемнадцать изданій, Ренанъ пользовался уже въ ученомъ мірѣ значительнымъ авторитетомъ и значеніемъ. Это былъ незаурядный мыслитель, хорошій филологъ и знатокъ восточныхъ языковъ и литературъ (оріенталистъ), крупный богословъ, обратившій на себя вниманіе своими работами въ области „религіи“, рѣдкій писатель-художникъ, заставлявшій полуистлѣвшіе фоліанты говорить вдохновеннымъ, полнымъ поэзіи и жизни языкомъ... И до, и послѣ „Жизни Іисуса“ Ренанъ не забывалъ ученаго кабинета и написалъ немало книгъ, брошюръ, замѣтокъ и т. п. Но всѣ эти „ученые“ труды и изслѣдованія Ренана, многотомныя и пестрящія цитатами, никогда не выдвинули бы его изъ общенаучнаго уровня, если бы у него не было его „Жизни Іисуса“. „Жизнь Іисуса“—это краеугольный камень славы и популярности Ренана. Сожгите, уничтожьте всѣ прочія его произведенія, но оставьте за нимъ одну „Жизнь Іисуса“, и историческая извѣстность будетъ надолго обезпечена за нимъ...

Вмѣсто безконечныхъ и отвлеченныхъ препирательствъ и бесплодныхъ загальваній прежнихъ рационалистовъ о томъ, что „могло или не могло быть“, Ренанъ поставилъ своею задачею постичь и художественно воспроизвести то, что, по его мнѣнію, „было“. Здѣсь—тайна Ренановой „Жизни Іисуса“, ея значеніе и особенность; здѣсь же и ключъ къ тому неравнодушію, съ какимъ

ученое и неученое европейское общество относилось и, пожалуй, доселѣ относится къ Ренану.

Любитель, начавшій читать книгу Ренана, не въ силахъ остановиться и закрыть ее на первой случайной страницѣ. Онъ непременно дочитаетъ ее до конца. Интересъ къ этой книгѣ, особенно въ нѣкоторой части читающей публики, все еще значителенъ. Ее до сихъ поръ продолжаютъ горячо обсуждать и „разносить“ люди самые разнообразные—причастные и непричастные къ наукѣ, способные и неспособные, критики—по профессіи и критикань-диллетанты. Но что бы кто ни говорилъ, Ренана нельзя забыть, нельзя отложить на полку вмѣстѣ съ другими отрицателями-раціоналистами. Съ Ренаномъ можно и даже должно не соглашаться, но нельзя пройти мимо него равнодушно, нельзя замолчать о томъ, что составляетъ его отличительную фізіономію, положительную сторону его книги. Разумѣемъ, внѣшнюю декоративную сторону Ренановой „Жизни Іисуса“.

Въ ряду характерныхъ особенностей, присущихъ Ренановой книгѣ, необходимо прежде всего отмѣтить удивительную художественность ея языка или стиля. Въ свое время мы говорили объ экскурсіи Ренана въ Италію, куда онъ былъ командированъ для научныхъ занятій. Это путешествіе Ренана въ Италію,—гдѣ все окружающее, начиная съ безоблачно-чистаго итальянскаго неба и кончая безмолвными, но многоговорящими памятниками и руинами, сохранившимися отъ древнѣйшихъ временъ, ласкаетъ и питаетъ воображеніе поэтическими образами и возбуждаетъ мысль величавыми историческими воспоминаніями, это путешествіе имѣло для Ренана громадное эстетически-образовательное значеніе. Здѣсь, въ Италіи, лицомъ къ лицу съ грандіозными воспоминаніями прошлаго, Ренанъ впервые постигъ то, что позднѣе болѣе отчетливо и рѣшительно созналъ въ Палестинѣ,—странѣ другихъ великихъ и священныхъ воспоминаній. Ренанъ научился въ Италіи понимать и цѣнить искусство, постигъ красоту во всѣхъ ея проявленіяхъ и видахъ, а потомъ въ себѣ самомъ, въ своемъ изящномъ и ху-

дожественномъ словѣ, воплотилъ и показалъ всѣмъ частичный образчикъ этой красоты.

„Форма, говорилъ Ренанъ, есть плоть, дающая жизнь мысли и образу“. Только въ томъ случаѣ идея и образъ, повѣданные художникомъ міру, будутъ восприняты послѣднимъ должнымъ образомъ и произведутъ дѣйствіе на душу, когда они будутъ выражены просто, возвышенно, изящно, словомъ, облеченнымъ въ художественную форму. „Только тѣ труды перейдутъ въ потомство, говорилъ въ свое время знаменитый естествоиспытатель Бюффонъ, кои хорошо написаны. Обиліе свѣдѣній, исключительность дѣяній, даже новость открытій, не суть еще вѣрныя ручательства безсмертія. Если труды написаны безъ вкуса, безъ художественной простоты, безъ генія—они неминуемо погибнуть; напротивъ, они выигрываютъ, когда будутъ обработаны искусными руками. Творцы подобныхъ изящныхъ и художественныхъ созданій одинаково будутъ вызывать удивленіе къ себѣ во всѣ времена“.

Ренанъ болѣе чѣмъ кто другой могъ и умѣлъ писать художественнымъ языкомъ, изящнымъ, живымъ, увлекательнымъ, краснорѣчивымъ. Пригодились Ренану при написаніи „Жизни Іисуса“ и его научныя свѣдѣнія по еврейскому языку, коими онъ обладалъ въ широкихъ размѣрахъ. Глубоко проникшій въ тайны этого языка, сроднившійся во время своихъ путешествій на Востокъ съ поэтическимъ складомъ рѣчи современныхъ арабовъ, Ренанъ обогащаетъ и разнообразитъ и безъ того живой и могучій свой языкъ смѣлыми оборотами и художественными метафорами образнаго восточнаго языка и чрезъ это сообщаетъ своей книгѣ удивительную красоту и поэзію.

Владѣя такимъ богатымъ, цѣльнымъ и эластичнымъ языкомъ, Ренанъ использовалъ свой талантъ до возможной степени. Часто въ одной короткой фразѣ онъ ярко, сильно и отчетливо передаетъ то, что у другихъ, посредственныхъ писателей, расплывается въ туманѣ длиннѣйшихъ періодовъ и безконечныхъ примѣчаній. Это умѣнье воплощать и выражать свои мысли въ сжатой, лакониче-

ской формѣ даетъ Ренану еще одно важное преимущество надъ другими предшествующими и послѣдующими ему работниками на поприщѣ литературно-художественнаго творчества. Все существенно-важное и необходимое, чего долженъ былъ коснуться Ренанъ во своей книгѣ—сообразно ея цѣлямъ и задачамъ—имъ затронуто, подчеркнуто, выставлено на видъ, очерчено всесторонне и выпукло. Съ этой точки зрѣнія едва-ли можно указать на какой-либо пробѣлъ въ книгѣ Ренана. Къ ней ничего нельзя прибавить: она полна и законченна. Отъ нея ничего нельзя и убавить: она кратка и сосредоточенна. Въ этомъ отношеніи Ренанъ оставилъ далеко позади себя Штрауса и Баура, вялыя и блѣдныя произведенія которыхъ легко и удобно поддаются всевозможнымъ сокращеніямъ и даже рѣшительной переработкѣ. Ренана же нельзя ни сократить, ни переиначить, ни пересказать, ни передѣлать. Онъ самобытенъ и неподражаемъ.

Но эта удивительная прелесть слова, отличающая Ренанову книгу, есть только изящная рама для начертанной художникомъ картины. Ренанъ не только художникъ слова, но и живописецъ великихъ образовъ исторіи.

Съ поразительной живостью и наглядностью рисуетъ Ренанъ историческую и географическую обстановку тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершились великія евангельскія событія, воспроизводитъ ту среду, въ которой жили и дѣйствовали Иисусъ Христосъ и Апостолы. Съ немалымъ искусствомъ и талантомъ живописуетъ и воспроизводитъ Ренанъ и дѣйствующихъ лицъ,— великіе образы священной исторіи. Правда, эти образы вымышлены и ложны, но они какъ живые проходятъ предъ взоромъ читателя, каждый со своимъ характернымъ психическимъ складомъ и индивидуальными особенностями. Исполненные движенія и выразительности, они смотрять на васъ со страницъ Ренановой книги, и кажется, что сейчасъ, повинувась чудодѣйственному перу автора, они сойдутъ, какъ статуи, со своихъ пьедесталовъ, оживутъ и заговорятъ своимъ могучимъ языкомъ образовъ и красокъ...

Первоначальная колыбель Ренановскаго Христіанства—привѣтливая и цвѣтущая Галилея, утопающая вся въ зелени садовъ и полей, завѣтный край поэтической любви, вдохновлявшей писателя „Пѣсни пѣсней“, настоящая страна „возлюбленнаго“, земной рай, палагавшій на думы и жизнь туземнаго жителя какой-то „идиллическій колоритъ“ *). Эта Галилея описана Ренаномъ такъ художественно и поэтично, что это одно даетъ автору безспорное право на самое видное мѣсто въ списокѣ міровыхъ художниковъ слова.

Такъ же мастерски нарисованъ у Ренана и тотъ историческій воздухъ, та среда, гдѣ жилъ и дышалъ Иисусъ Христосъ. Предъ взорами читателя встаетъ изъ тумана тысячелѣтій бѣдный и маленькій городокъ Галилеи—Назаретъ, гдѣ протекло дѣтство Иисуса, оживаютъ и воскресаютъ живописныя назаретскія окрестности, уносившія когда-то чистое сердце назаретянъ въ заоблачный міръ безмятежнаго блаженства и поселявшія въ туземномъ населеніи жизнерадостное настроеніе, благодушную наивность и привѣтливость. Счастливый, благодатный край... Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, думалось и мечталось о радостяхъ заоблачнаго міра, мистически—вѣрилось въ возможность непосредственной связи и живого общенія челоуѣка съ Божествомъ, наглядно чувствовалась и переживалась безпредѣльная милость и любовь Творца къ Его творенію. Только въ такой именно обстановкѣ мыслимо и вполнѣ естественно, по Ренану, появленіе Иисуса, свѣтлаго и жизнерадостнаго, съ Его непримѣрной простотой и общедоступностью.

Въ полную противоположность этой деревенской и народной части палестинскаго населенія выступаютъ у Ренана заправилы и вожаки тогдашней еврейской жизни, мелочные казуисты и пусто-святы—фарисеи и книжники, сковавшіе мысль и совѣсть іудея желѣзными цѣпями непосильнаго формализма, ханжества и обрядовѣрія; аристократы священники и первосвященники съ ихъ пре-

*) Ренанъ, стр. 27.

зрительнымъ отношеніемъ къ черни, небреженіемъ святыни, торгашествомъ священными предметами. Все это—и многое другое—возстановлено Ренаномъ такъ живо и увлекательно, что читатель забываетъ о той лѣстницѣ вѣковъ, которая отдѣляетъ его отъ описываемой среды, и самъ какъ бы живетъ въ этой исторической атмосферѣ, въ обществѣ памятныхъ лицъ и дѣятелей давно миноваго времени.

Но самую выдающуюся и оригинальную сторону Ренановой книги составляютъ образы историческихъ лицъ, художественно созданные, воспроизведенные и обрисованные авторомъ.

Вотъ предъ вами стоитъ Іоаннъ Креститель, назарей и аскетъ, одѣтый въ звѣриныя шкуры, суровый анахоретъ, живущій въ Заіорданской пустынѣ, питающійся саранчей въ обществѣ шакаловъ**), смѣло и безбоязненно бичующій распущенность своихъ соотечественниковъ и призывающій ихъ къ исправленію и покаянію. Этотъ послѣдній потомокъ великихъ израильскихъ пророковъ, дѣйствующій въ духъ и силу Іліи, изображенъ такъ живо и рельефно, что невольно просится на полотно. Столь же наглядно и выразительно начертанъ—сочиненъ Ренаномъ и образъ Христа, кроткаго и вселюбящаго учителя братства, милости и всепрощенія, какимъ онъ былъ въ радостной и зеленой Галилеѣ, въ началѣ своего мессіанскаго служенія; и „грознаго, мрачнаго пророка-фанатика, находившаго утѣшеніе при своихъ неудачахъ въ проповѣди о наступленіи страшнаго „дня суднаго“, какимъ Онъ сталъ въ холодномъ и эгоистичномъ Іерусалимѣ, при концѣ своей жизни“. Общество учениковъ Христовыхъ, съ ихъ дѣтскою вѣрою, съ ихъ наивными мечтами и надеждами на славу и первенство въ открывающемся царствѣ Мессіи; матери, несущія къ Пророку дѣтей своихъ для благословенія; дѣти, ласкающіяся къ нѣжному Галилейскому Учителю и выражающія Ему свой восторгъ маханіемъ пальмовыхъ вѣтвей—все это живыя лица, заставляющія читателя забывать себя, думать ихнія думы, мечтать ихъ мечтами, чу-

**) Ренанъ, стр. 28.

ствовать и жить по ихнему. Изучивъ непосредственно Палестину и лично ознакомившись съ теперешними обитателями библейскихъ мѣстностей, располагая обширными знаніями семитическихъ языковъ, новѣйшей литературы, богословской и свѣтской, знаніемъ классиковъ, Библии и памятниковъ древне-іудейской письменности, Ренанъ повсюду ставитъ рѣчи евангельскихъ лицъ въ родную связь съ географическою и историческою ихъ обстановкою и служитъ для васъ какъ бы живымъ путеводителемъ по Палестинѣ трехлѣтняго служенія Христа человѣческому роду. „Я исходилъ, пишетъ Ренанъ, евангельскую страну по всемъ направленіямъ: я посѣтилъ Іерусалимъ, Хевронъ и Самарію; почти ни одна важная мѣстность исторіи Іисуса не ускользнула отъ меня. Евангельская исторія, которая, какъ казалось мнѣ издали, колебалась, плавая въ облакахъ призрачнаго міра, приняла тѣлесность и устойчивость“... Ренанъ не доказываетъ, не рассуждаетъ, не споритъ; онъ, если угодно, даже и не пишетъ: онъ просто видитъ, слышитъ, знаетъ, показываетъ. Онъ ведетъ васъ то въ палаты богача, задающаго пиръ на весь міръ, то въ убогую хижину бѣдной женщины, усердно отыскивающей съ огнемъ потерянную драхму,—заставляетъ васъ веселиться на свадебномъ пиру среди радостныхъ гостей или же сопутствовать торжественному ночному шествію невѣсты въ чертоги жениха.

Такъ глубоко сѹмѣлъ проникнуть Ренанъ въ тайну древняго обитателя Святой Земли и такъ реально и художественно повѣдалъ эту тайну европейцамъ девятнадцатаго вѣка...

Сочетаніемъ всѣхъ вышеуказанныхъ особенностей Ренановой „Жизни Іисуса“ и объясняется прежде всего ея необыкновенный успѣхъ въ обществѣ и ея громадное вліяніе на читателей. Всѣ второстепенныя частности картины—ея фонъ, освѣщеніе, краски и тѣни, вся этнографическая, историческая, семейная, умственная и религіозно-нравственная обстановка—начертаны Ренаномъ съ живостью и конкретностью истаго художника. Это художественное воспроизведеніе матеріально-земной и плотяно-человѣческой сторо-

ны Евангельской исторіи создаетъ такую иллюзію, которая какъ-бы магически очаровываетъ читателя, цѣпнитъ его критическую мысль и дѣлаетъ изъ него послушнаго медиума автора. Вы невольно увлекаетесь, книга приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе и воображеніе; вы какъ бы слѣдуете вмѣстѣ съ авторомъ за Христомъ, въ обществѣ Его учениковъ, по Галилеѣ,—внимаете словамъ любви, блаженства, радости, потомъ незамѣтно переходите въ Іерусалимъ, начинаете негодовать на сухихъ, черствыхъ и самодовольныхъ фарисеевъ и книжниковъ, и безъ всякаго въ себѣ удивленія находите удовольствіе въ грозныхъ обличеніяхъ Христа. Все время вы были послѣдователемъ Христа и апостоломъ... И вдругъ вы какъ будто потеряли Христа, сдѣлались Іудею... Сила Ренановой иллюзіи именно въ томъ и состоитъ, что читатель незамѣтно и невольно, какъ бы во снѣ или въ гипнозѣ, изъ ученика постепенно превращается въ предателя, изъ искренняго и вѣрующаго апостола—въ измѣнника и клеветника.

И только тогда, когда дочитано послѣднее слово книги, вы замѣчаете обманъ и сожалеете, что позволили, хотя бы только минутное, затмѣніе въ своемъ сердцѣ пресвѣтлаго и безгрѣшнаго Лица Іисусова,—что не замѣтили святотатственнаго прикосновенія злого генія къ Святому Святыхъ вашего духовнаго существа. Вы какъ будто присутствовали при незамѣтномъ, въ глубокой тьмѣ ночи, предательскомъ поцѣлуѣ, какъ бы слышали Іудино: „радуйся, Учитель“!. Подобно Ап. Петру, полусознательно и внѣ себя, вы хватаетесь за мечъ... критики и обличенія... Но уже поздно, предатель выдалъ Христа на поруганіе врагамъ. Вы поддались обману, невольно какъ бы отреклись, хоть на минуту, отъ Христа... И вамъ ничего не остается, какъ только смыть нечистоту этого очарованія горькими слезами покаянія...

Значеніе Ренана, какъ ученаго, а вмѣстѣ и существенное отличіе его отъ предыдущихъ писателей-историковъ, состоитъ въ томъ, что Ренанъ вновь оживилъ и возстановилъ съ художественною наглядностью тотъ безцвѣтный и мертвый остовъ, какимъ сдѣлалось Евангеліе подъ ножемъ мелкой критики и всеразлагаю-

щаго анализа раціональныхъ школъ, приблизилъ евангельскую исторію, витавшую до него въ туманѣ схоластическихъ отвлеченностей, къ сознанию и сердцу читателя и вмѣсто безжизненной и блѣдной тѣни никогда не существовавшаго существа, выдаваемого за І. Христа, далъ живую личность, опредѣленный и характерный образъ Основателя христіанства. Съ появленіемъ Ренановой „Жизни Іисуса“ народилось въ библейской исторіи новое направленіе. До Ренана жизнеописаніе Іисуса носило характеръ аналитическій, т. е. историки интересовались не столько живою историческою Личностью Іисуса Христа, сколько общими христіанскими идеями. Ренанъ явился создателемъ особаго, нынѣ прочно установившагося въ богословіи, жанра—біографическаго, художественно-историческаго. Насколько жизненно и дѣйственно было значеніе и сила этого новаго направленія, видно изъ того, что Ренанъ имѣетъ многочисленныхъ послѣдователей, которые не прекращаются и до сихъ поръ. Самъ Штраусъ передѣлалъ свою „Жизнь Іисуса“ на подобіе Ренановой—приспособительно народному пониманію. Подражателями Ренана явились далѣе Шенкель, Кеймъ, Газе, Вейссъ, Фарраръ, Дидонъ, Гейки, Пресансэ, извѣстный въ отрицательномъ лагерѣ подъ именемъ „Церковнаго Ренана“. *)

Итакъ, первое и существенное преимущество и оригинальность Ренана заключается въ „художественномъ постиженіи и воспроизведеніи имъ евангельской исторіи“. Указаннымъ обстоятельствомъ и объясняется отчасти тотъ успѣхъ, какой имѣла книга Ренана въ обществѣ, современномъ ему и позднѣйшемъ. По своему шумному успѣху въ обществѣ Ренанъ не имѣетъ себѣ соперниковъ или только одного—Вольтера, съ которымъ у него наблюдается много общаго и сходнаго. Какъ и Вольтеръ, Ренанъ вышелъ изъ среды римско-католической и сдѣлался врагомъ ея;

*) Фарраръ имѣется на русск. яз., въ переводѣ А. П. Лопухина, СПБ., 1890 г.; Пресансэ, СПБ., 1883 г.; Дидонъ, переводъ Скроботова и Рождественскаго, СПБ., 1892 г.; Гейки, Моск., 1892 г., переводъ Свящ. М. Фивейскаго.

подобно Вольтеру, онъ воспитывался въ іезуитской коллегіи (семинаріи) и вынесъ оттуда на всю жизнь нѣкоторыя черты ея низкой морали. Оба замѣчательны какъ стилисты, цѣнящіе слогъ выше мысли; у обоихъ остроуміе поставлено выше правды, форма выше содержанія. Тотъ и другой являются характерными выразителями и представителями главныхъ теченій общественной мысли своего времени. Отличительной чертой жизни XVIII вѣка — вѣка Вольтера и энциклопедистовъ — былъ атеизмъ. Въ XIX вѣкѣ всплыло и обнаружилось широко и глубоко новое теченіе. Это скептицизмъ. Вольтеръ и Ренанъ стоятъ каждый во главѣ умственныхъ теченій своего времени. Это — истинные сыны своего вѣка. Вольтеръ атеистъ; Ренанъ скептикъ. Въ послѣднемъ обстоятельствѣ и нужно искать новыхъ, дополнительныхъ причинъ, объясняющихъ успѣхъ Ренана и его популярность. Ренанъ попалъ въ живой нервъ своего времени; онъ разгадалъ идеалы своего вѣка, проникся ими и откликнулся на нихъ въ своей книгѣ. Помимо своего скептицизма, Ренанъ и во многомъ другомъ угодилъ своему времени, сдѣлавъ ему большую уступку. Нашъ вѣкъ отличается упадкомъ духовныхъ стремленій, господствомъ матеріальной культуры, аскетизмъ непонятенъ нашему времени. Ренанъ идетъ навстрѣчу и этому теченію. Ренанъ — язычникъ, грекъ древняго времени. Онъ создалъ себѣ особую религію съ эвдемонистическимъ оттѣнкомъ. Онъ хочетъ сообщить эту эвдемонистическую печать самой христіанской религіи. Ренанъ изображаетъ Іисуса, въ первый, галилейскій, періодъ его жизни, въ противоположность суровому аскету Іоанну Крестителю, какъ человѣка любящаго общество, живого, веселаго, любителя развлеченій, жизнерадостнаго мечтателя. Описывая этотъ періодъ жизни Іисуса, Ренанъ придалъ ей видъ очаровательный, именуетъ ее „несравненной идилліей“ **) прелестнѣйшею пасторалью ***), превратилъ ее въ одну поэму. Ренанъ исключилъ далѣе изъ своей книги все, что напо-

**) Ренанъ, стр. 10.

***) Ренанъ, стр. 29.

минало бы о сверхъестественномъ и чудесномъ, въ чемъ также нельзя не видѣть желанія Ренана угодить духу своего времени. Такъ вскрываются предъ нами новыя, „внѣшнія“ причины широкой популярности Ренановой книги, кроющіяся въ соотвѣтствіи ея вкусамъ, потребностямъ и идеаламъ времени. Но не вѣчно будутъ люди гоняться за матеріальною культурой. Настанетъ иное время, народятся ныня, духовныя стремленія, и—съ переменною условій—измѣнится и отношеніе общества къ Ренану. Придетъ время и для Ренана, какъ пришло оно и для Вольтера, царившаго нѣкогда надъ умами не менѣе Ренана. И должно сказать, что на Западѣ звѣзда Ренана уже закатилась; ея блескомъ любуется и тѣшится въ настоящее время только „избранная часть“ нашей русской интеллигенціи; это и неудивительно: у насъ, въ Россіи, всѣ ученые кумиры, давно низринутые Западомъ, всегда находятъ себѣ запоздалыхъ поклонниковъ...

Хр. Соболевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ дневника семинариста.

(Экскурсія воспит. Красн. д. семинаріи во Св. Землю, лѣтомъ 1908 г.)

IX.

Поездка на р. Иорданъ.

Четвергъ.—3-е іюля. 2 часа утра. Мы всѣ уже готовы. Марко сообщилъ, что лошади уже поданы. Да, сегодня мы на время оставляемъ Иерусалимъ. Мы ѣдемъ къ священнымъ берегамъ Иордана. Иорданъ... Сколько историческихъ воспоминаній связано съ этимъ словомъ! Какъ отрадно посѣтить эту священную историческую мѣстность!... Съ Богомъ!“—сказалъ Марко, сидя на нашемъ фаэтонѣ, и мы двинулись въ путь. Съ нами ѣдутъ и преподаватели В. Д. С. Вотъ мы уже за городскими постройками.

Вотъ мѣсто убіенія св. архидіак. Стефана, вотъ церковь св. Маріи Магдалины. Проѣхали Елеонскую гору и старинную іерусалимскую стѣну. Подъѣзжаемъ къ Виѳаніи. Не останавливаясь, ѣдемъ далѣе. Дорога идетъ по склонамъ горъ. Дорога порядочная. Говорятъ, султанъ распорядился поправить ее къ пріѣзду Германскаго Императора Вильгельма, а до этого времени была невыносимою. Здѣсь ломались колеса, фургоны, увѣчились десятки и сотни богомольцевъ и т. д. Теперь мы ѣдемъ прекрасно. Пара лошадей, на видъ „худенькихъ“, несутъ насъ быстро. Только и слышно понукиваніе кучера-араба „ію.“... Кругомъ не видно жизни никакой. Царитъ нѣмая тишина, нарушаемая лишь стукомъ колесъ нашихъ повозокъ да изрѣдка криками провожатыхъ съ караванами верблюдовъ или осликовъ. Кромѣ Марко и кучера, насъ въ фаэтонѣ—четверо, и все погружены въ задумчивое молчаливое настроеніе. Скучно. Солнце поднимается все выше и выше. Температура повышается. Становится душно. Но вотъ мы уже у „Источника св. Апостоловъ“. Здѣсь мы немного освѣжились холодною водою и двинулись далѣе. Скоро прибыли къ гостиницѣ „Милосерднаго Самарянина“. Гостиница сама по себѣ особеннаго ничего не представляетъ. Ѣдемъ далѣе. Хочется до полуденной жары добраться до Іерихона. Мѣстность кажется скучнѣе и однообразнѣе. Дорога становится хуже. Два раза приходилось выходить изъ повозки и идти пѣшкомъ довольно порядочное разстояніе—версты 2 слишкомъ. Устали, утомились. Одишь лишь о. М. ѣхалъ все время безопасно... Наконецъ, добрались мы до Іерихона—библейскаго городка. Собственно, это только мѣсто, гдѣ, по преданію, находился тотъ Іерихонъ, который Израильтяне взяли чудеснымъ образомъ по переходѣ черезъ Іорданъ. Въ настоящее время нѣтъ того Іерихона, населеннаго, красиваго, зеленаго, цвѣтушаго, богатаго медомъ, миртой; на мѣстѣ его здѣсь ничтожная жалкая арабская деревушка Рихха, изъ нѣсколькихъ мазанокъ, съ десяткомъ насельниковъ. Рядомъ съ этой деревушкой расположились русскія постройки, принадлежащія Духовной миссіи, гдѣ мы и остановились для отдыха. Насъ

приняли довольно ласково. Сразу же былъ предложенъ чай, послѣ котораго сервированъ хорошій обѣдъ. Въ промежутокъ времени осматривали роскошный садъ, прилегающій къ постройкамъ, мѣсто раскопокъ или строящійся храмъ на мѣстѣ, гдѣ былъ, по преданію, домъ Закхея, срывали съ деревьевъ рожки, гранатовыя яблоки, съ кустовъ виноградъ, словомъ, наслаждались всею прелестью іерихонскаго сада. Переждавъ жаркое время, поѣхали къ Мертвому морю. На пути видѣли греческій монастырь преп. Герасима, построенный на томъ мѣстѣ, на которомъ якобы отдыхало св. семейство, возвращаясь въ Іерусалимъ послѣ бѣгства въ Египетъ. Монастырь преп. Герасима основанъ имъ въ V вѣкѣ по Р. Х. Повѣствуютъ, что онъ установилъ въ немъ самый строгій образъ жизни. Пять дней въ недѣлю братія проводила въ совершенномъ уединеніи, каждый въ своей кельѣ, занимаясь рукодѣліемъ и не вкушая ничего, кромѣ небольшого количества хлѣба, финиковъ и воды. Въ субботу все собирались въ церковь для слушанія Божественной литургіи и для приобщенія Св. Таинъ; потомъ обѣдали за общей трапезой, и въ Воскресенье, послѣ обѣдни, каждый возвращался въ свою келью, взявъ съ собою пищи на цѣлую недѣлю и финиковыхъ вѣтвей для плетенія корзинокъ; продажею этихъ корзинокъ содержался монастырь; но сама братія не имѣла никакой собственности, кромѣ одной одежды, рогожи, на которой спали, и каменнаго сосуда для воды. На св. сорокадесятициу преп. Герасимъ оставлялъ ежегодно монастырь, чтобы въ уединеніи вполне предаться духовной жизни; онъ удалялся въ пустыню съ однимъ ученикомъ и проводилъ все это время въ пламенной молитвѣ. Разказываютъ, что св. Герасимъ кротостію своею привлекалъ къ себѣ въ пустынь дикихъ звѣрей. Однажды встрѣтился ему раненый левъ; онъ перевязалъ ему рану, и съ тѣхъ поръ левъ всюду слѣдовалъ за нимъ и служилъ ему, какъ домашнее животное. Когда же преподобный скончался, левъ долго скучалъ и, наконецъ, умеръ на его могилѣ. Преп. Герасимъ дожилъ до глубокой старости и скончался, горько оплакиваемый

братією, въ царствованіе Льва Великаго. Память его празднуеть св. Церковь 4 марта. Да, какая разница съ жизнью настоящихъ, современныхъ намъ иноковъ!...

Вонъ уже виднѣется и Мертвое море. называемое арабами „Биркетъ Луфъ“, т. е. Лотово море. Путь песчаный. Вся поверхность усеяна большими курганами песку, издали похожими на пирамиды, шатры. Подъѣзжаемъ къ самому морю... Мѣстность окружающая, унылая дорога производять непріятное впечатлѣніе. О, если бы кто посмотрѣлъ на насъ, говорить одинъ священникъ-паломникъ, когда мы въ глубокомъ молчаніи, съ поникшими головами, подъѣзжали къ тому мѣсту, гдѣ стояли нечестивые города, въ наказаніе за нечестіе сожженные небеснымъ огнемъ и потомъ провалившіеся, всякій подумалъ бы, что тянется погребальная процессія, ѣдущая въ долину смерти“. Нѣчто подобное представляли и мы, тѣмъ болѣе, что наши кони едва тащили насъ по песку. Наконецъ, мы на берегу моря. Проѣхали отъ Іерихона только 10—12 верстъ, а казалось, ѣхали, ѣхали и, Богъ вѣсть, сколько верстъ проѣхали. Какая печальная на самомъ дѣлѣ картина! Мертвое море... мертвая пустыня... поистинѣ заслуживаютъ такихъ наименованій. На мѣстѣ нѣкогда прекраснѣйшей долины съ роскошными садами и богатыми городами, теперь ровно нѣтъ ничего живого. Ни одно животное не живетъ на его пустынныхъ берегахъ, ни одинъ арабъ не ставитъ тутъ своего шатра, ни одна рыба не можетъ жить въ мертвыхъ водахъ... Воистину страшень во гнѣвѣ Своемъ Господь, Праведный Судія!

Слегка волнуется Мертвое море. У многихъ явилось сильное желаніе выкупаться въ морѣ, но какъ-то не рѣшались; да и вообще здѣсь купаются очень рѣдкія личности. Мнѣ приходилось слышать, что въ такомъ проклятомъ морѣ грѣшно купаться, и что всякій, кто искупается, хвораетъ послѣ этого, его тѣло покрывается струпьями (экземой): это дескать—наказаніе Божіе. Жаркая погода тянула насъ въ воду. Рискуя всёмъ, мы рѣшились искупаться, но не всё... нашлись трусы. Мы уже въ водѣ. Какъ

славно и пріятно было плавать и даже лежать на поверхности моря, точно на плитѣ или на койкѣ. Вода настолько плотна, что свободно держитъ человѣка, не давая ему погружаться. Однимъ этимъ я не удовлетворился. Я испробовалъ и вкусъ воды, которая оказалась горькосолоной и ѣдкой, раздражительно дѣйствующей на царапины... Слышимъ, кричатъ: „довольно! скорѣй!“ Вотъ ужъ и не дадутъ поблагодушествовать. Ёдемъ. Прощай море! Прощай долина смерти! На тѣлѣ выступила соль. Непріятное ощущение и настроеніе. Все та же унылая дорога, печальная мѣстность.

Однако мы ужъ, кажется, тянемся вдоль Іордана. Удивительно! Какъ быстро и рѣзко перемѣнилась картина. Вмѣсто мертвой пустыни предъ нами раскрылась во всей своей красѣ іорданская природа. Роскошная лѣтняя флора поражала не столько разнообразіемъ, сколько свѣжестью, запахомъ растений и цвѣтовъ; пѣніе пернатого хора до того показалось намъ чудеснымъ и пріятнымъ, что и уснувшія въ насъ чувства, и печальное настроеніе... все сразу какъ-то пробудилось и приняло характеръ веселья. Всѣ послѣ долгаго молчанія заговорили. Всѣ стали приводить, припоминать историческіе факты, совершившіеся когда-то на этихъ священныхъ берегахъ Іордана. Много священныхъ воспоминаній соединяется съ именемъ Іордана. Много знаменательныхъ событій совершилось на его берегахъ. Съ однимъ дорожнымъ посохомъ переходилъ Іорданъ патр. Іаковъ, когда шелъ въ Месопотамію, но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвращался къ отцу чрезъ тотъ же Іорданъ съ семействомъ. Израильтяне, вышедшіе изъ Египта, перешли Іорданъ „яко по суху“. На берегахъ его побѣждали не разъ Гедѣонъ и Іефѣай—Моавитяня, Мадіанитянтъ и др. Въ водахъ Іорданскихъ, по приказанію пр. Елисея, омылся Сирійскій полководецъ Нееманъ, и „обновилось тѣло его, какъ тѣло малаго ребенка, и онъ очистился отъ проказы“... Гдѣ, какъ не на этихъ же священныхъ берегахъ впервые раздавалась строгая, но въ то же время и утѣшительная проповѣдь Іоанна Предтечи— „покайтесь“? Шли на его зовъ сюда отовсюду, со

всѣхъ концовъ Іудей и Галилеи и изъ за іорданскихъ странъ люди всѣхъ званій и состояній, которыхъ Предтеча Христовъ безпощадно обличалъ въ ихъ грѣховной жизни. Проповѣдь смягчала окаменѣлыя сердца людей, они раскаявались и крестились отъ Іоанна въ этихъ священныхъ „струяхъ Іорданскихъ“. „Я крещу васъ водою, говоритъ онъ имъ, но идетъ за мною Тотъ. Кто сильнѣе меня, у Котораго я недостойнъ развязать ремень обуви: Онъ будетъ крестить васъ Духомъ Святымъ“... И вотъ является къ нему Тотъ, о Комъ онъ говорилъ— является Самъ Мессія Христовъ. Онъ проситъ отъ него крещенія. Онъ, одѣвая небо облаками, одѣяйся свѣтомъ яко ризою, какъ человѣкъ, совлекаетъ съ себя одежды и погружается въ волнахъ Іордана, освящая Собою водное естество... Вотъ съ небесъ гремитъ гласъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немже благоволихъ!“...

Пока воспроизводили эти моменты, мы незамѣтно подъѣхали къ мѣсту, гдѣ обыкновенно останавливаются караваны богомольцевъ и гдѣ, по преданію, принялъ крещеніе Тотъ, о которомъ сейчасъ мы привели свидѣтельство Самого Бога Отца. Да, мы у Іордана! Думалъ ли я, что когда-нибудь мнѣ придется стоять на берегу той священной купели, гдѣ крестился Самъ Христовъ? Какое счастье! Какой драгоценный моментъ! Бѣгу къ самому берегу. Не дожидаясь большинства нашей компаніи, о. Меѳ. произнесъ возгласъ, и началось молебствіе. Воздухъ оглашается пѣніемъ всѣхъ присутствующихъ, которыхъ, кромѣ о. М., было трое о. П., я и М. Вол. Нужно ли говорить, что мы такъ однако не пѣли никогда и нигдѣ, какъ въ эти минуты. А что было съ нами, когда мы, воодушевленные, запѣли: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“!.. Никогда такъ не поражалъ меня смыслъ этихъ словъ и совершающагося въ это время священнодѣйствія— погруженія въ воду св. Креста, какъ здѣсь, въ необъятномъ храмѣ, при свѣтѣ всемірной блестящей лампы подъ сводомъ тѣхъ небесъ, которыя нѣкогда разверзались надъ „Начальникомъ Вѣры, совершителемъ Іисусомъ“... Вотъ бѣгутъ и наши

Несчастные!—подумалъ я. И, дѣйствительно, тутъ же замѣтно было негодованіе. Болѣе всѣхъ опять-таки были недовольны преподаватели.. Кончивъ молебень, все быстро раздѣлись и устремились въ воду. Всеми, кто купался въ Мертвомъ морѣ, хотѣлось поскорѣе смыть соль, которая производила щекотанье всего тѣла. Какъ славно было въ водѣ, гораздо лучше, чѣмъ на Мертвомъ морѣ. Одно казалось непріятнымъ— это илистый, вязкій берегъ, мутная вода и сильное теченіе, препятствовавшее нашему спокойному плаванію. Нѣкоторымъ изъ насъ удавалось переплыть на другой берегъ, сплошь заросшій олеандрами. Какіе чудные здѣсь олеандры! Это не то, что наши комнатные. Это громадныя вѣтвистыя деревья, сплошь усыянные роскошными, крупной величины, цвѣтами. Накупавшись вдоволь, я вышелъ бодрый и жизнерадостный изъ воды. Вотъ и меня Господь сподобилъ омыться въ водѣ Иорданской! Многіе еще купаются. Я успѣшилъ воспользоваться случаемъ и сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ Иордана вмѣстѣ съ его берегами. Побродивъ по берегу, я возвратился къ прежнему мѣсту, гдѣ засталъ еще нѣкоторыхъ купающихся. Меня снова потянуло въ воду. И что же, я опять плыву по быстрымъ волнамъ Иордана. Но вотъ кончился моментъ наслажденій... Готовимся къ отъѣзду. „Елло“, „ію.“... и... кони потащили насъ снова въ Іерихонъ. Не хотѣлось бы уѣзжать и отсюда, но... прости Иорданъ! прощай, рѣка святая, рѣка таинственная, погрузившая въ волнахъ своихъ грѣхи всего міра и наши!

Вотъ мы уже проѣхали мимо монастыря св. Іоанна Крестителя, построеннаго въ давнія времена противъ мѣста крещенія Господня. Кругомъ безплодная пустыня.. День клонился къ вечеру, когда мы, проѣхавъ мимо Іерихона, остановились у источника пророка Елисея. Утоливъ жажду водою изъ источника, мы присѣли отдохнуть. Думали было искупаться въ бассейнѣ, но Арабы воспротивились нашему желанію. Оказывается, они считаютъ это мѣсто священнымъ и не допускаютъ христіанъ осквернять воду пророка. Благодаря хорошему орошенію, здѣсь растительность прекрасна.

Побродивъ немного около источника, часть изъ насъ отправилась пѣшкомъ на „Сорокаднѣвную Гору“ — гору искушенія, находящуюся въ двухъ верстахъ отъ источника. Дорога трудная, каменная. Подъемъ на гору весьма крутой и узкій. На половинномъ пути до вершины горы стоитъ одиноко греческій монастырь, высѣченный въ скалѣ. Здѣсь насъ встрѣтилъ монахъ и предложилъ отдохнуть. Въ церкви монастыря намъ показали камень, на которомъ якобы молился Спаситель 40 дней и столько же ночей, проводя время въ постѣ и будучи искушаемъ отъ діавола. Въ монастырѣ тихо. Становится жутко. Во мнѣ пробудился страхъ и инстинктъ самосохраненія. Однако мы рѣшились идти далѣе... Путь еще хуже. Онъ раздѣланъ ломаными линіями по мѣловому грунту. И чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ труднѣе и опаснѣе становилась дорога. Того и гляди, что ноги поломаешь. Устали. Идемъ съ передышкой. Ноги подкашиваются. Сердце стучить, какъ молоткомъ... а идти надо, интересно... Но, наконецъ-то, мы и на вершинѣ. Здѣсь каменною стѣною окружено мѣсто, откуда показывалъ діаволь Спасителю все „царства земли“. Внутри стѣны — маленькая часовня, гдѣ, повидимому, иногда совершаютъ богослуженія. Съ вершины горы глазамъ зрителя открывается чудный видъ окрестностей. Вонъ видно и Мертвое море, и Иорданъ, гдѣ мы только что наслаждались, а вонъ и Елеонъ съ высокой колокольней храма Вознесенія Господня. Солнце садится... Какая чудная панорама открылась предъ нашими глазами. Отъ заходящихъ лучей солнца заіорданскія горы окрашивались въ разнообразныя радужныя цвѣта. Солнце сѣло, и горы приняли обыкновенный видъ. Пора идти назадъ. Спускаться оказалось еще хуже. Двое изъ товарищей, пренебрегая этимъ путемъ, рѣшили прямо спускаться со скалы на скалу, какъ въ Сибири на Столбахъ, и благополучно достигли подошвы горы. Пришли къ источнику, гдѣ насъ дожидали кони. Оставшимся здѣсь нашимъ спутникамъ показалось очень долгимъ наше путешествіе на гору, и они уѣхали въ Іерихонъ. Тоже самое высказалъ и о. М. Утомленные, но все-таки довольные, мы возвра-

тились снова въ Иерихонъ на ночлегъ. На память о Мертвомъ морѣ я везу камешки, а объ Иорданѣ—камышевую трость... Не смотря на вечеръ, на улицѣ сильное тепло. Намъ предложили вкусный ужинъ и мѣсто покоя, — кто гдѣ найдетъ лучшимъ. Въ нашемъ распоряженіи всѣ постельныя принадлежности. Всѣ размѣстились по номерамъ. Стихло... Всѣ стараются заснуть, чтобы утромъ встать бодрѣе. Но напрасно!.. Иерихонская жара даетъ себя чувствовать. Воздухъ становится хуже, чѣмъ днемъ. Днемъ было жарко, а теперь и того сильнѣе. Просто дышать нечѣмъ. Слышатся жалобы. Тишина нарушилась. На самомъ дѣлѣ, спать нѣтъ никакой возможности. Градомъ льется потъ. Всѣ и все насквозь пропитались потомъ. „Что же это, господа, если днемъ въ тѣни было 45° тепла, такъ теперь, право, больше 50°“. Долго переворачиваясь съ боку на бокъ, я, наконецъ, не выдержалъ и вышелъ на крышу. Смотрю: тутъ уже спятъ о. о. М. и П. Дай-ка и я, думаю, устроюсь тутъ!.. На полу спать опасно. Я устроился на скамейкѣ. Нѣтъ, не тутъ-то было: не могу заснуть. Эхъ, да я лучше буду по крышамъ бродить да слушать концерты шакаловъ, чѣмъ мучиться такъ!.. Такъ и сдѣлалъ. Посидѣлъ, походилъ, пописалъ въ дневникъ, а тутъ какъ разъ и время всѣмъ вставать. Марко уже всталъ, сходилъ разбудилъ нашихъ возницъ и идетъ будить нашихъ „бодрствующихъ“.. Всѣ готовы... Поблагодаривъ гостепріимныхъ хозяевъ, мы отправились домой—въ Иерусалимъ.

Н. Уставщиковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Примите мой первый трудъ, приготовленный мной для Вашего журнала. Въ своей статьѣ*) мнѣ хотѣлось, главнымъ образомъ, отмѣтить соборнее Богослуженіе духовенства нашего Благочинія въ с. Божіе-Озерскомъ, какъ плодъ братской любви и единомыслія. Такихъ искреннихъ и сердечныхъ отношеній въ духовенствѣ трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ. А какъ желательны они на пользу самихъ-же пастырей!

Почему-бы Благочинническіе сѣзды не устраивать по праздникамъ? Можно и всегда день сѣзда приурочить къ маленькому празднику. Мѣстный священникъ за время оповѣстилъ-бы приходъ о днѣ сѣзда. Собравшись наканунѣ, духовенство отслужило-бы въ день сѣзда литургію соборне. Въ Благочиніи найдется всегда искусный проповѣдникъ, которому поручить произношеніе проповѣди или катехизаціи. Я убѣжденъ, что народъ откликнулся бы на этотъ добрый призывъ своихъ пастырей и валомъ повалилъ бы въ церковь. Народъ жаждетъ духовной пищи и охотно идетъ туда, гдѣ она предлагается ему безкорыстно и искренне. Бояться этого нововведенія нечего и хозяевамъ сѣзда. Приходъ охотно придетъ на помощь своему пастырю въ несеніи расходовъ по содержанию духовенства. Вообще, надъ этимъ вопросомъ слѣдовало-бы серьезно подумать и въ печати обсудить его.

Съ глубокимъ уваженіемъ къ Вамъ Священникъ

Іоаннъ Парышевъ.

*) Статья печатается ниже.

Изъ дневника священника.

На 21-е іюня о. Благочинный назначилъ благочиннической сѣздъ въ с. Божіе-Озерскомъ. Я былъ радъ случаю повидаться съ о. Іоанномъ П. (настоятелемъ Божіе-Озерской церкви), поэтому и рѣшилъ на сѣздъ ѣхать наканунѣ. Отъ Никольска до с. Божіе-Озерскаго 65 верстъ. Разстояніе, которое можно было проѣхать на-однѣхъ лошадяхъ въ 6-7 часовъ, т. е. я рассчитывалъ въ тотъ же день и пріѣхать въ с. Божіе-Озерское.

Съ о. Іоанномъ мы познакомились недавно. Его взгляды на пастырское дѣло какъ разъ совпадали съ моими взглядами. Къ тому-же въ немъ я видѣлъ не только своего единомышленника, но человѣка добраго, искренняго и отзывчиваго. Съ нимъ можно было, какъ говорится, душу отвести. Все это неотразимо тянуло меня къ нему.

Въ с. Божіе-Озерское пріѣхали часовъ въ 10 вечера. Хозяева завтрашняго сѣзда еще не спали. Мнѣ было обидно, что я немного запоздалъ и своимъ позднимъ визитомъ безвозвратно отнял у любезной хозяйки часы дорогого для нея покоя. Я извинился. Но радушіе и гостепріимство хозяевъ сразу успокоили меня.

На первыхъ же порахъ разговоръ нашъ съ о. Іоанномъ перешелъ на злобу дня. Стояла засуха. Поля повыгорѣли отъ солнечнаго зноя и пожелтѣли. Внѣшній видъ природы напоминалъ скорѣе позднюю осень. Грустныя картины наводили на грустныя думы. Въ нашемъ уѣздѣ это уже третья засуха подъ рядъ. О. Іоаннъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что у него зародилась мысль завтрашній день „соборне“ со своими гостями помолиться о ниспосланіи дождя. Мысль, конечно, прекрасная, и я, съ своей стороны, поддержалъ ее.

День сѣзда начался обычнымъ зноемъ. Уже въ 7 часовъ утра въ воздухѣ чувствовалась духота. Послѣ чая любезный хозяинъ предложилъ мнѣ обозрѣть живописныя окрестности села Божіе-Озерскаго. Я охотно согласился.

Первый визитъ нашъ въ природу былъ на „круглое“ озеро, лежащее на горѣ, на высотѣ 20 сажень надъ уровнемъ Божьяго озера. Вотъ мы и за селомъ. Идемъ на гору по узкой тропинкѣ. И чѣмъ выше, подымаемся тѣмъ шире открывается видъ на роскошную Божіе-Озерскую природу. Я не художникъ слова, и мнѣ не описать картинно всего, что представилось нашимъ глазамъ. Наконецъ, предъ нами и цѣль нашей прогулки. Озеро въ 400×600 саж. въ діаметрѣ, окруженное высокими горами, покрытыми лѣсомъ, блестяло на солнцѣ своей гладкой, серебристой, овальной формы, поверхностью. Вотъ онъ уголокъ-то земного рая! *Дивны дѣла твои Господи, вся премудростію сотворилъ еси:* Глазъ своихъ не хочется оторвать отъ этихъ красотъ земного міра. А тутъ еще общую гармонію дополняетъ и блескъ солнца, и горячая утренняя прѣхлада, и тишина въ воздухѣ и задорное ликование пернатого царства. Мнѣ не хотѣлось нарушать эту чудную гармонію. Мы молча стояли.

Да, эти минуты будутъ для меня незабвенны!—О. Іоаннъ, видимо, замѣтилъ мой восторгъ и далъ мнѣ вдоволь полюбоваться прекраснымъ ландшафтомъ. Какъ жаль, что этотъ уголокъ остается еще необитаемымъ. А придетъ время, когда и здѣсь закипитъ человѣческая жизнь. Лучшаго мѣста для отдыха городскимъ жителямъ и пріискать трудно.

Мнѣ пришлось исколесить Алтай: видѣть царицу алтайскихъ громадъ—Бѣлуху, любоваться красавицей алтайскихъ рѣкъ—Катунию, но все, что тамъ видѣлъ, проходило предъ моими глазами, какъ будто, обычнымъ порядкомъ. Впрочемъ, можетъ быть, это потому, что тамъ я былъ подготовленъ къ разнымъ неожиданностямъ. Можетъ быть, алтайскіе виды не услаждаютъ зрителя, а скорѣе поражаютъ своей величественною громадой, а здѣсь тѣ же фоны, тона и краски, но все въ миниатюрѣ, все такъ доступно вашему глазу и чувству. „Круглое“ озеро замѣчательно еще своимъ почти отвѣснымъ глубокимъ ложемъ, прозрачностью воды и обиліемъ рыбы. Глубина его до сихъ поръ остается неизслѣдованной.

Въ 10 часовъ утра мы возвращались домой. На востокѣ стояла небольшая туча. Вотъ она, давно ожидаемая, давно-желанная всѣми, дорогая гостыя, думалось мнѣ.

Къ 12 часамъ духовенство было въ сборѣ. Занялись рѣшеніемъ очередныхъ дѣлъ. Благочинническому съѣзду предстояло на этотъ разъ обсудить вопросъ о взаимномъ страхованіи строеній духовнаго вѣдомства. Предпріятіе симпатичное и въ нашемъ вѣдомствѣ давно ожидаемое. Съѣздъ единогласно высказался за введеніе взаимнаго страхованія въ Енисейской епархіи съ 1-го января 1911 года. Послѣ засѣданія съѣзда о. Іоаннъ предложилъ своимъ гостямъ помолиться „соборне“ о ниспосланіи дождя. Въ это время съ запада слышались глухіе раскаты грома. Видимо, въ горахъ стояла туча. Предложеніе о. Іоанна духовенствомъ было принято охотно. Молебенъ рѣшено было служить въ церкви. Съ колокольни раздался первый ударъ большого колокола, и понеслись мѣрные, плавные звуки, сливаясь въ горахъ съ далекими раскатами грома, которые затѣмъ становились все ближе и ближе. Туча какъ бы на звонъ колокола шла на село. Вотъ уже облака застилали солнце. Въ воздухѣ ни вѣтерка.—Природа переживала таинственныя минуты. Получилась торжественная картина, полная величія и красоты. *Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ, прежде прошенія вашего*, вспоминались слова Евангелія. Звонъ колокола привлекъ въ храмъ болѣе 100 богомольцевъ. Изъ нихъ 5-6 человекъ русскихъ, а остальные—инородцы.

Собравшись въ церковь, духовенство рѣшило отслужить благодарственный Господу Богу молебенъ. Пять священниковъ, облачившись, вышли на средину храма, а остальные, при участіи псаломщиковъ, пѣли на клиросѣ.

Громкое и отчетливое произношеніе о. Благочиннымъ ектеній и возгласовъ, стройное и мелодичное клиросное пѣніе производили на молящихся громадное впечатлѣніе. На первыхъ порахъ казалось, что инородцы будутъ стоять на молитвѣ разсѣянно. Со-

борнее богослуженіе для нихъ явленіе весьма рѣдкое. Однако мы ошиблись. Инородцы молились съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Въ храмъ явились они, какъ бы, подготовленными къ необычному для нихъ соборному богослуженію. Наплывъ духовенства и самое соборное богослуженіе не смутило ихъ. Все это было для нихъ, какъ будто, зауряднымъ явленіемъ. Отправленіе богослуженія, истово совершаемое въ храмѣ Божіемъ, въ то время служило только дополненіемъ того величія Божія, которое теперь наполняло природу. Между тѣмъ энтузіазмъ молящихся усиливался болѣе и болѣе. Размахистое крестное знаменіе и отвѣсистые поклоны свидѣтельствовали о внутреннемъ жарѣ молитвы, Но вотъ кончился и молебень. Народъ пошелъ изъ церкви вполне удовлетворенный предложенною ему, благодаря попечительности своего добраго пастыря, духовной пищей. А съ неба въ это время, какъ знакъ милости и благоволенія Божія къ страждущему человѣчеству, стали падать первыя капли дождя. Запоздавшему въ церкви духовенству и народу пришлось возвращаться домой уже подъ проливнымъ дождемъ, обильно напоившимъ жаждущую землю. *Тучу мирную и дождь вольный* Господь послалъ земли. Слава Тебѣ Богу, Благодѣтелю нашъ, во вѣки вѣковъ.

Вечеромъ того-же дня, возвращаясь со сѣзда восвоеи, я благодарилъ Бога за все, что мнѣ пришлось видѣть и пережить въ этотъ незабвенный для меня день 20 іюня.

Свящ. Г. Парышевъ.

Укрощеніе бури.

Бурныя волны вздымались,
Гнались одна за другой,
Съ шумомъ онѣ ударились
О берегъ скалистый, крутой;
Съ плачемъ потомъ убѣгали

Въ открытое море опять,
Отъ ярости какъ-бы желали
На морѣ все смерти предать.
Отъ злости ихъ пѣна вздымалась,
И брызги летѣли кругомъ...
Вся моря поверхность казалась,
Въ борьбѣ разъярившимся львомъ!
Въ смятеніе все приходило,
Что было живое въ волнахъ...
А море все больше бурлило,
На всѣхъ нагоняя свой страхъ.
Спокойнымъ одинъ оставался
Лишь только Христось на кормѣ;
Крѣпкимъ Онъ сномъ упивался,
Не внемля коварной волнѣ!
Волны съ ярою злобой бросали
То къ одной, то другой сторонѣ
Лодку... Казалось онѣ ей кричали:
„Погребемъ на морскомъ тебя днѣ!“
Апостолы въ лодкѣ дрожали,
Отъ страха блѣднѣли они...
Смерти съ испугомъ всѣ ждали,
Считая отжившими дни.
Буря-жъ сильнѣй поднималась,
Играя бурливой волной...
А лодка по морю носилась,
Своей ждя судьбы роковой!
Апостолы съ трепетомъ будятъ
Христа, чтобъ проснулся скорѣй,
Въ Немъ одномъ всѣ они видятъ
Спасителя жизни своей.
Онъ скоро отъ сна пробудился
И видитъ: волненье кругомъ!
Ничуть Онъ его не смутился,

Спокоенъ былъ всёмъ существомъ...
Стихію окинулъ, Онъ взоромъ
И, къ ней устремивъ свою длань,
Голосомъ строгимъ, спокойнымъ
Сказалъ ей: „Умолкни, престаи“!
И голосу строгому внемля,
Безъ ропота стихла волна...
Спокойствіемъ море объемля,
Явилась тотчасъ тишина.
Апостолы съ радостью пали
Къ ногамъ Іисуса Христа;
Всѣ разомъ Его прославляли,
Въ силу вѣря Его Божества.

Павелъ Патюковъ.

Одинъ вечеръ у „старшаго брата“ мѣстныхъ баптистовъ С. Хмырова, въ деревнѣ Дрокиной, Красноярскаго уѣзда.

Числа 16-го ноября минувшаго 1909 года мнѣ пришлось проѣзжать мимо деревни Дрокиной, Красноярскаго уѣзда. Былъ морозный вечеръ, и въ пустынной мѣстности рѣзко отдавались и стукъ лошадиныхъ копытъ и свистъ полозьевъ и отдаленный гдѣ-то лай собакъ... До станка еще оставалось версть двѣнадцать, но мнѣ въ этотъ разъ почему-то не хотѣлось ночевать на станкѣ, на земской квартирѣ, гдѣ такъ мало бываетъ уютно и не съ кѣмъ иногда бываетъ сказать слово; мнѣ именно почему-то въ этотъ вечеръ хотѣлось съ кѣмъ-нибудь „отвести душу“... Но я угадывалъ себя, сидя въ кошевѣ—я, такъ сказать, ловилъ свои желанія, я объяснялъ себѣ, что въ этотъ именно разъ мнѣ непреодолимо хотѣлось съ кѣмъ-нибудь „отвести душу“ потому, что на моемъ пути былъ такой человѣкъ, котораго я могу использовать для удовлетворенія своихъ желаній, съ нимъ я могу поговорить, такъ сказать, не по пустякамъ... Такой мишенью моихъ желаній

въ данномъ случаѣ и моихъ мыслей былъ никто иной, какъ „старшій братъ“ мѣстныхъ баптистовъ Самуиль Харитоновичъ Хмыровъ, проживающій въ д. Дрокиной. Но меня смущало только одно, что онъ можетъ почему-либо отказать мнѣ въ приѣмѣ и тогда мои предположенія обратятся вѣдь въ мыльный пузырь. Однако мои безпокойства были напрасны: въ Хмыровѣ и во всей его семьѣ я увидѣлъ русскаго человѣка—хлѣбосола, широко раскрывавшаго двери своего дома всякому, кто бы онъ ни былъ... И лишь только мы подъѣхали къ воротамъ дома Хмырова, вышла его жена и, узнавъ меня (мы были немного знакомы ранѣе), усиленно стала просить меня заѣхать и даже ночевать; тотчасъ-же выслала всю свою „дворню“,—которая подхватила мои вещи, и чрезъ моментъ я уже очутился въ свѣтлой, уютной, чистой комнатѣ, окруженный семьей Хмыровыхъ, человѣкъ въ 8-9. Меня угостили чаемъ съ разнымъ вареньемъ и сладостями.. Такой радушный приѣмъ православнаго миссіонера со стороны всей, безъ исключеній, сектантской семьи былъ явленіемъ необычнымъ, и покажется, пожалуй, для многихъ православныхъ весьма исключительнымъ. Въ дѣйствительности, насколько это мнѣ лично пришлось установить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такое отношеніе сектантовъ вообще къ православнымъ, а въ особенности къ тѣмъ, съ кѣмъ они надѣются поговорить о „божественномъ“, вполне естественное явленіе и вполне понятное... Это свойство чисто-русской, вдохновенно-религіозной души, но беспокойной только въ обстановкѣ для нея необычайной... Поэтому для сектанта человѣкъ со строго-религіозной настроенностью, съ искренней доброжелательностью къ своему ближнему—кто бы онъ ни былъ—будетъ всегда желаннымъ гостемъ. Напротивъ, сектантъ дѣлается крайне необщительнымъ, грубымъ, заносчивымъ до кощунства, до обиды, злостно-коварнымъ, когда видитъ предъ собой человѣка не менѣе фанатичнаго, не менѣе злостнаго и заносчиваго...

Конечно, съ первыхъ разговоровъ мы перешли на религіозныя темы. Мой собесѣдникъ рвался, какъ ретивый конь; онъ сво-

ими сужденіями намѣревался разжечь во мнѣ страсть къ бесполезному, въ чисто сектантскомъ духѣ, словопренію, старался задѣть мое самолюбіе, но однако ему достигъ своихъ цѣлей не удалось. Я ему откровенно заявилъ, что заѣхалъ къ нему пріятно отвести свою душу, а не разжигать страсти... Меня тяготитъ мысль: какъ это возможно, при вѣрѣ въ одного Бога, во Христа Спасителя, при одинаковомъ стремленіи выполнить Евангельскій законъ,—такое разъединеніе, какое есть теперь между православными и баптистами?.. Я, по крайней мѣрѣ, серьезно задумываюсь надъ многими мѣстами Евангелія, гдѣ Христосъ Спаситель ясно, убѣдительно призывалъ людей къ единенію вообще и, въ особенности, къ единенію въ вѣрѣ въ Бога: „да будетъ единъ Пастырь и едино стадо“ или „Отче, молю Тебя, да будутъ все едино“, взывалъ Господь въ Своей первосвященнической молитвѣ... Хмыровъ было нѣсколько разъ меня прерывалъ и указывалъ, что православные отступаютъ отъ Евангелія. Но я настойчиво повторялъ моему собесѣднику, что я и пріѣхалъ для того, чтобы побесѣдовать отъ Евангелія и со страницъ послѣдняго бросить свѣтлый лучъ истиннаго познанія жизни туда, гдѣ его нѣтъ... Не лучший ли способъ, если кто хочетъ,—ищи истину Божию въ Евангеліи, въ Словѣ Божиемъ, а не среди грѣшныхъ людей?.. И я думаю, что люди, раздѣляясь между собой на многія религіозныя общества, безусловно повинны предъ судомъ Евангелія,—а какъ Вы думаете Самуиль Харитоновичъ?.. Самуиль Харитоновичъ не хотѣлъ поддаваться; очевидно, сектантскіе инстинкты не давали ему покою, онъ вызывалъ меня на обычныя словопренія,—начиналъ говорить объ иконахъ, объ отступленіи православныхъ отъ завітовъ Евангелія, о пьянствѣ, табако-курении и т. п. Но я опять хладнокровно его просилъ высказаться по поводу Евангельскаго завіта—единенія людей въ вѣрѣ во Христа-Спасителя и при этомъ напомнилъ ему новый призывъ Спасителя: „пріидите ко Мнѣ все труждающіеся и обремененные и Я упокою васъ“. Однако вмѣсто отвѣта Хмыровъ спросилъ меня: „что Вы хотите отъ меня“?

Я, наконецъ, поразился,—до чего глубоко въѣлась въ него сектантская закваска—боязни, что всё и всюду ему только ставятъ одні ловушки... Я съ сердечной болью сказалъ: „Самуиль Харитоновичъ, Вы, очевидно, не хотите бесѣдовать отъ Евангелія, Вы не хотите услышать зовъ къ единенію Христа Спасителя? Мнѣ не хотѣлось-бы такъ думать о „Васѣ“... Хмыровъ, замѣтно, смутился; мои послѣднія слова заставили, очевидно, его измѣнить ко мнѣ отношенія... И онъ, переѣнявъ тонъ, заговорилъ: „А Вы думаете, что я тоже надъ этимъ не задумывался?.. Неужели Вы думаете, что для насъ такъ далеко сознание нашихъ немощей и разныхъ недостатковъ, хотя-бы въ нашей жизни, въ жизни баптистовъ?.. Что касается, наиримѣръ, меня, то я очень часто надъ этимъ задумываюсь“.. Для меня былъ дорогъ этотъ моментъ въ настроеніи фанатика-сектанта... Весьма рѣдки случаи, когда какой-либо сектантъ въ бесѣдѣ съ православнымъ откровенно сознается въ какихъ-либо недостаткахъ своей жизни; поэтому я, изъ-за опасеній, чтобы дальнѣйшимъ ходомъ нашей бесѣды не затушевался этотъ моментъ, сталъ резюмировать только что высказанныя свои мысли о томъ, что главная цѣль нашей жизни, какъ вѣрующихъ во Христа Спасителя, есть откликнуться на Его къ намъ зовъ „къ единенію, къ общенію, къ прославленію Бога едиными устами и единымъ сердцемъ“... Но это возможно, добавилъ я, только лишь при единственномъ условіи—сознанія своего душевнаго убожества, а съ нимъ, какъ естественнаго влеченія къ взаимообщенію съ людьми, сродными по настроенію, по духу, и, еще больше, влеченія къ Богу, какъ къ Цѣлителю всѣхъ душевныхъ немощей... Напротивъ, только гордость людей, высокомеріе, самообольщеніе ихъ есть причина всѣхъ раздоровъ и нестроеній, хотя-бы и въ религіозной жизни. Меня, наиримѣръ, какъ члена православной церкви, ужасно томить эта разобщенность людей, въ особенности, когда я вижу среди уклонившихся отъ общенія съ Церковью людей искренно религіозныхъ и строго-благочестивой жизни, которые при иныхъ условіяхъ, т. е. при

религіозномъ единеніи, могли-бы оказать существенную услугу въ дѣлѣ спасенія, духовнаго возрожденія меньшему своему брату, могли-бы привести его ко Христу, вообще, могли-бы содѣйствовать развитію Царства Божія на землѣ. Но дѣло Божіе, несомнѣнно, умаляется, когда люди, вмѣсто того, чтобы возможно духовно сблизиться, — сторонятся другъ-друга: гдѣ же тутъ исполненіе завѣтовъ намъ Христа Спасителя?.. Во всякомъ случаѣ я такъ думаю и думаю, что это согласно духу ученія Христова, что въ благодатномъ единеніи только нравственная сила, хотя-бы и въ борьбѣ съ какими-либо нравственными или религіозными недостатками людей, а не въ „разъединеніи“... Самъ по себѣ фактъ „разъединенія“ не есть, я думаю, дѣло Божіе... Такъ-ли я говорю, Самуиль Харитоновичъ?..

Хмыровъ молчалъ, молчали и его семейные, которые слушали нашу бесѣду... Но моментъ прошелъ, и Хмыровъ тихо и какъ-то робко сказалъ: „пожалуй, также и я думаю“..

Мнѣ хотѣлось отдохнуть отъ нашей бесѣды.

Я на этомъ, пожалуй, и останавлиюсь въ передачѣ того, что было у меня въ вечеръ посѣщенія мною дома баптиста Хмырова.

Теперь вѣскольکو строчекъ къ вамъ, Отцы и Братія!.. Въѣдъ каждому изъ насъ, на поприщѣ нашего пастырскаго служенія, приходится по временамъ сталкиваться съ людьми, по тѣмъ или другимъ причинамъ утратившими строго-православное сознаніе въ истинахъ вѣры; и какъ приходилось во многихъ случаяхъ испытывать, что говорить съ этими людьми на какія либо религіозныя темы весьма трудно, а для человѣка неподготовленнаго, пожалуй, и не безопасно—быть, какъ говорятъ, „затравленнымъ“, — потому что чаще всего въ такихъ встрѣчахъ, послѣ двухъ-трехъ обмѣновъ словами, собесѣдники занимаютъ по отношенію другъ друга боевыя позиціи, и тогда схватка начинается изъ за „дѣла Божьяго“ не на животъ, а на смерть... Явленія въ высшей степени безотрадныя, а для „дѣла Божьяго“ положительно вредныя!

Большинство пастырей это сознають и отъ миссіонерской работы вольно и невольно сторонятся, — говорятъ: „надо много умѣнья говорить со всякаго рода сектантами, а на приходѣ пѣтъ времени къ этому готовиться“... И нельзя не раздѣлять справедливости подобныхъ сужденій: правда, миссіонерствовать такъ, какъ привыкли обычно на это смотрѣть, т. е., какъ на созтызаніе (sic) „по-благочестію“, — дѣйствительно безъ надлежащей и притомъ весьма кропотливой подготовки немислимо... Однако, было бы весьма унижительно для святаго миссіонерскаго дѣла представлять его не иначе, какъ только въ видѣ непрерывныхъ словоизверженій, рассчитанныхъ на одно — „затравить собесѣдника“, поставить его втупикъ, такъ или иначе — пристыдить или, въ лучшемъ смыслѣ, разочаровать его въ конецъ, можетъ быть, въ его лично благородныхъ, искреннихъ и святыхъ желаніяхъ какъ-нибудь и гдѣ-нибудь успокоить свой мятущейся духъ. Нѣтъ, основной принципъ миссіонерскаго дѣла „успокоить, умиротворить больную, мятущуюся душу“, а это сдѣлать можно только „всяческимъ удаленіемъ себя въ этомъ святомъ дѣлѣ отъ боевыхъ позицій“ и не поддаваться на требованіе душевно-больного человѣка. Въ описанной моей бесѣдѣ съ сектантомъ Хмыровымъ я это и преслѣдовалъ по моимъ силамъ; мнѣ хотѣлось заставить задуматься своего собесѣдника надъ вопросомъ — „можетъ-ли быть оправдываемо по даннымъ ученія Христа-Спасителя отдѣленіе, въ частности, баптистовъ отъ Православной Церкви“?. Самой простой, безыскусственной, но вполне естественной постановкой двухъ-трехъ Евангельскихъ текстовъ я велъ своего собесѣдника, насколько не касаясь его больного самолюбія, къ уразумѣнію „святой истины“. Конечно, я далекъ отъ мысли выдавать эту свою бесѣду за образецъ кому-бы то ни было, я стою только за принципъ такой миссіонерской работы, которая посильна каждому и при всякой, даже случайной, встрѣчѣ съ сектантами.

Священникъ *Иннокентій Орфеевъ*.

Обзоръ печати.

—Состоявшееся перенесеніе мощей преп. Евфросиніи Полоцкой изъ Кіева въ Полоцкъ вызвало цѣлый рядъ ходатайствъ различныхъ городовъ предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи перенести въ ихъ храмы мощи святыхъ угодниковъ, считающихся мѣстными патронами, но почивающихъ въ другихъ городахъ. Такъ, въ концѣ апрѣля обратились съ подобнымъ ходатайствомъ къ Св. Синоду жители гор. Перми, прося возвратить имъ мощи св. Стефана пермскаго, почивающія въ Москвѣ, въ церкви Спаса на Бору. Въ первыхъ числахъ текущаго іюня такое ходатайство возбудило общество вспомошествованія уроженцамъ гор. Углича и его уѣзда, живущимъ въ Петербургѣ, испрашивая разрѣшенія перенести въ Угличъ мощи св. Димитрія царевича, почивающія также въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ. Первое изъ этихъ ходатайствъ уже отклонено Св. Синодомъ въ виду того, что мощи св. Стефана находятся подъ спудомъ и слѣдовательно прежде перенесенія въ Пермь ихъ необходимо извлекать изъ земли, что требуетъ особаго постановленія Св. Синода и утвержденія Высочайшей власти. Ходатайство угличанъ также назначено къ отклоненію. Св. Синодъ находитъ, что угличане не имѣютъ никакихъ правъ на мощи св. царевича, такъ какъ онъ не является уроженцемъ гор. Углича, а жилъ тамъ въ ссылкѣ и при томъ самое короткое время. Къ тому же св. Димитрій принадлежитъ къ царскому роду и потому ему подобаешь почивать въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, служащемъ, какъ извѣстно, усыпальницей царей русскихъ.

(„Нов. Время“. № 12305).

При семъ №-рѣ разсылается объявленіе Комитета Красн. свѣчи завода о продажѣ церковныхъ принадлежностей.

Редакторъ А. Богдановъ
Печатать разрѣшается. Цензоръ, Ректоръ Дух. Сем., прот. Н. Асшешевскій

Тип. М. И. Абалакова.